

ДОЧКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

КРИСТИНА ПОРТМАН

Кристина Портман

Ночка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54985528

SelfPub; 2023

Аннотация

Милая и удивительно добрая, совершенно домашняя девственница Катя накануне важного экзамена приходит в клуб буквально на полчаса, чтобы поддержать свою подругу. С этого момента для Кати начинается кошмарная и уж точно незабываемая ночка! Препней она уже не будет никогда. За одну только ночь девушка какой-то неведомой силой попадает в череду ужасающих событий и теперь для того, чтобы не сойти с ума, она должна уничтожить свой привычный мир. Хочет она этого или нет...

Кристина Портман

Ночка

Глава

I

В клубе в этот раз было особенно шумно. Все-таки пятница – святой день для всех гуляк, молодежи, для всех тех, кто в поиске хорошего отдыха или новых знакомств, пусть даже на одну ночь. И чаще всего на одну ночь, о которой и то, многие потом предпочитают не вспоминать вовсе. Иллюзия отдыха, иллюзия жизни хотя бы на этот вечер. Хотя бы так. Суррогат доступного счастья.

За барной стойкой расположились две подружки. Глядя на них, стороннему наблюдателю и в голову не пришло бы, что они подружки, даже знакомыми сложно было бы назвать их – настолько разительным был их союз, их одеяние, манера держаться и тот взгляд на мир внешний, по которому безошибочно можно определить мир внутренний.

Одна брюнетка лет двадцати пяти, с ярким кричащим макияжем, с хорошей еще упругой грудью четвертого размера, с легким наметившимся животиком, которого несколько не стыдится облегающая кожаная черная мини-юбка, задранная чуть ли не до груди. Ажурные интригующие капроновые чулочки совершенно гармонично дополняли внешний

вид девушки. Всем своим видом брюнетка с вызовом транслировала окружающим, что она еще ого-го и готова к интересным предложениям. Однако, сейчас вся она была в телефоне, по которому шел долгий и, видимо, не самый приятный разговор.

Вторая – удивительный контраст – миловидная девочка, на вид лет 17. Именно девочка – даже девушкой сложно ее назвать: настолько в ней все преисполнено очарованием и невинностью, настолько она сдержана во взглядах и жестах, что даже странно, как она оказалась здесь и что может делать в компании столь гротескной дамы... У девочки светлые волосы, большие вдумчивые глаза, которыми она с удивлением и страхом взирает на этот абсолютной чуждый ей окружающий мир, маленький аккуратный ротик, белоснежная блузка, донельзя прилично облегающая ее небольшие грудки, темно-синяя юбка до колен, на шее – аккуратный кулончик из лунного камня на серебряной цепочке. Рядом с девочкой наполовину пустой стакан апельсинового сока, она с беспокойством поглядывает на подругу, вслушиваясь в каждое ее слово и искренне сопереживая.

Брюнетка, видимо, вконец опустошенная разговором, начинает все громче говорить в трубку:

– Нет-нет... так дальше дело не пойдет, ты исчерпал мой лимит доверия... ис-чер-пал! Понимаешь? Нет, я же сказала... ты что, нет, ты что, совсем меня не понимаешь? Я... послушай... да выслушай меня... да... да послушай же... да

пошел ты на хуй, понял? Господи, как я устала. Я устала от тебя, слышишь? Ты не моя история, не моя жизнь, и я до сих пор не понимаю, как терплю это столько лет. Зачем? Кому это нужно? Я устала. Я не могу так больше! Оглянись вокруг, Максик, ты видишь темноту? А должен, потому что это что? Это черный список, мальчик, черный наглухо! Это бан. Хорош, я сказала. Все кончено! На хуй – это туда!

Девушка резко выключает телефон и с силой, будто впечатывает в барную стойку, кидает его так, что окружающие оглядываются.

– Чего? – резко осаживает она любопытствующие взгляды и закрывает лицо руками. – Бармен, водки, грамм сто пятьдесят.

Девочка, явно напуганная столь жестким окончанием разговора, пробует заговорить:

– Жень...

– Козел! Все нервы вымотал..., – устало бормочет брюнетка, не убирая рук с лица. – Представляешь, мне днем какая-то шмара скинула их переписку в вк. Да он мне в жизни таких красивых слов не говорил, даже когда только начинали встречаться. А ей там соловьем разливался. И все из-за чего? Чтобы просто ее трахнуть? Серьезно? А я? А как же я? У меня же чувства... были...

– Не переживай так, может еще помириться, – робко подбадривает девочка.

Женя убирает руки от лица и удивленно смотрит на по-

другу:

– Катя... я, конечно, понимаю, что ты блаженная, но не больная же. На хера мне это нужно?! Зачем?!

– Любовь должна прощать..., – словно дешевыми постами из инстаграм на полном серьезе упорствует Катя.

Женя скривилась.

– Любовь – да, но не рабство. Он же манипулирует мной, пользуется. Видит, что я подседа на него и вертит мной, как хочет. Кто я для него? Дурочка с переулочка? Безмозглая фанатка его крепких плеч и тупых шуток? Или просто безотказный вариант? Захотел – пришел, захотел – ушел, захотел – ответил на сообщение, захотел – пропал на три дня. А я – Максик такой, Максик сякой, сварить Максику кофе, а может быть Максик хочет, чтобы я спустилась под стол и сделала ему приятненько... А он? Что он? Он же меня даже уже не хочет, тварь. Любовь...

Женя устало достает сигарету и зажигалку. Зажигалка никак не зажигается. И чем яростнее девушка пытается ее разжечь, тем сильнее она упорствует. Женя близка к нервному срыву.

– Бармен, – раздражено окликает она. Бармен, находящийся на другом конце стойки, услужливо кивает – мол, вижу – и продолжает обслуживать клиента. Катя неуверенно подсаживается ближе.

– Мне кажется, ты так думаешь, потому что злишься, – размышляет девушка. – Когда-то же у вас были чувства,

сердце не обманешь. Вам нужно немного переждать, может быть вместе сходить к психологу.

– Не к психологу, а к психиатру, – злобно отрезает Женя. – После этого уroda у меня уже нет понимания – кто я и что я на самом деле. Он же полностью меня растоптал, вытер об меня ноги, понимаешь? И сейчас лишь нехотя пинает мое безотказное тело и то, лишь потому, что я иногда даю ему денег и секса. Не было бы денег – уже давно не было бы никакого Макса. И я ведь прекрасно это понимаю, я чувствую это каждый раз когда рядом с ним, а бросить не могу. Все надеюсь, что он исправится и все у нас наладится. И будем жить как люди, как счастливые семьи с инстаграма, когда они устраивают эти блевотные новогодние фотосессии в арендованном доме с фальшивыми улыбками. Сейчас мне бы и это стоило. Я все жду, надеюсь. Потому что что?

– Что?

– Потому что я наглухо отбитая дура! Бармен, сука!

Бармен снова кивает, но не делает ни шагу в сторону клиентки.

Катя с самым искренним участием и беспокойством не отступает:

– А я все же считаю, что люди расстаются из-за того, что каждый заикливается на себе и совершенно не думает о любимом. Все эти ревность, обиды, злоба, раздражение – это же из-за того, что мы все слишком усложняем, все играем в какие-то игры. А сердечко любит по-настоящему, без при-

крас. Если бы мы чаще прислушивались к себе, то все было бы хорошо.

И снова брезгливая гримаса омрачает женино лицо.

– Вот знаешь, Катя, ты порой несешь такую ахинею, что мне кажется, что ты меня троллишь. Нет, ну серьезно? Значит в этом сердце, бессмысленном насосе, происходят какие-то процессы, а я потом любви непонятно кого и страдай, да еще и думать не моги – на хера оно мне все и где же заветное счастье? Вот за что любить Макса? Он же мне всю жизнь сломал и ломает... и будет ломать, к гадалке не ходи! А я люблю. Умом? Нет, этим тупым сердцем, которое любит вслепую (передразнивает Катю фальцетом) по-настоящему...

– Я все же с тобой не согласна, – робко возражает Катя.

– Да я и не ищу согласия или понимания. Мне уже пох. Единственное, что я сейчас сильно ищу, больше всего на свете – это чертову зажигалку! Слушай, сил совсем нет, ты не могла бы попросить у кого-нибудь зажигалку?

Катя испуганно отстраняется от подруги:

– Нет-нет, ты же знаешь, что я не могу просить что-то у кого-то. Мне неудобно. Тем более зажигалку. Еще подумают, что я курю.

Женя обреченно закатывает глаза:

– О, Господи! Что за вечер? Что за подруги? Как ты собираешься жить в этом жестоком, жестоком, жестоком мире? Ладно, я сама найду, сиди здесь. Подойдет бармен – плесни

ему в лицо свой апельсиновый сок в качестве моих чаевых. Охеревший.

Девушка буквально сползает со стойки и плетется в гремящий музыкальными новинками зал, где творится самая настоящая вакханалия, праздник жизни. У Кати звонит телефон, на экране высвечивается женщина с усталой улыбкой и надписью «Мамочка».

– Да, мамулечка, – щебечет Катя в телефон, заботливо прикрывая динамик от всепроникающего шума, – я еще в клубе. Ну что ты, родненькая, конечно я помню, что завтра экзамен, просто Женьке так плохо сегодня, я не могу бросить ее одну. Нет-нет, что ты? Я недолго. Еще максимум полчаса и домой. Я же все понимаю. Да, родненькая, я тоже люблю тебя. Да нет, ждать не надо. Поздно уже. Ложись спать, я на такси и скоро дома. Да. Все, пока-пока, целую.

Тем временем возвращается абсолютно умиротворенная Женя с дымящейся сигаретой. И довольно стремительно тут же оказывается бармен.

– Здесь не курят, – строго бросает он.

– Отвали, – беззлобно отвечает Женя, заметно расслабленная сигаретой – не курят... но я надеюсь хоть наливают? Водки, попросили же. Не видишь у девушки личная драма.

Бармен на удивление смиренно уходит.

– Кто звонил? – любопытствует Женя. – Димка?

– Нет, мама.

– А Димка точно приедет?

– Конечно, – буквально расплывается в улыбке Катя, – он же обещал. Представляешь, ищет любую возможность, чтобы мы увиделись.

– Ну-ну. Значит у вас все хорошо? – вяло интересуется Женя, небрежно стряхивая пепел на пол. Взгляд ее отрешенно скользит по полкам с выпивкой.

– Еще как, у нас такая любовь... – оживляется Катя и тут же, спохватившись, осекается. – Ой, прости.

– За что? – криво улыбается Женька. – Вокруг же не одни только мудаки, есть и хорошие парни, которые тоже кому-то же достаются. И если один такой обитатель Красной книги достался моей подружке, я только рада. Хоть расскажешь мне из первых уст – как это бывает.

Катя еще больше смущается:

– Спасибо, милая. Мы обязательно подберем тебе такого же достойного.

Женя сильно и вдумчиво затягивается сигаретой. Выдыхает огромное облако сизого дыма и медленно, словно пробуя каждое слово на вкус, цедит:

– К сожалению, не все достойные люди – это именно те мужики, о которых я реально мечтаю и прямо жду в своей жизни. Многие из них ужасные зануды и дебилы. А знаешь... знаешь, может мне и не надо нормального? Может мой вариант – это как раз и есть вот такое убожество, как Макс, который прожигает все деньги в карты, волочится за любой давалкой, который об меня ноги вытирает и, которому на меня

в общем-то похер, но я же его люблю за что-то. Кто-то же должен их любить. Всем нужна любовь. Значит и его есть за что. А то, что я не знаю за что – так это может просто я тупая? А? Я тупая? Скажи мне правду.

Женя приобнимает подругу и упирается своим лбом в ее, обдавая ее перегаром и остатками дыма.

– Нет, ты просто пьяненькая – морщится Катя, слегка отстраняясь. – Может хватит?

– Нет, подруга не хватит. Я только-только подбираюсь к истине, очищаю сознание от всякого хлама.

Катя беспокойно смотрит на часы.

– Время-то тикает. Где же Дима?

– А что, уже поздно для хорошей девочки?

– Я же тебе говорила – у меня завтра экзамен по финансам. Нужно хорошенько выспаться.

– Подумаешь, экзамен, – подругу явно забавляет этот аргумент. – Разве спасет он когда вокруг столько говна творится... Разве же огорчит он тебя от этой беспросветной чернухи, от этих ублюдских людей. Оглянись вокруг! Это же мрази... Что им твой экзамен? Твои финансы? Если, конечно, ты не желаешь поделиться ими с ними.

Катя брезгливо морщится:

– Зачем ты так? Не надо. Во-первых, не все... эммм... плохие люди, а, во-вторых, этот экзамен еще как оградит. От него зависит мой красный диплом и хорошая профессия, перспективы в жизни. Я не могу перейти на второй курс с

четверкой. Это совершенно исключено! Поэтому мне просто необходимо хорошенько выспаться. А хотя кому я рассказываю...

Женя буквально взрывается:

– Да как ты можешь? Ты же видишь, что подруге плохо. И собираешься ее бросить? Ты можешь хоть раз принести в жертву что-то важное для тебя, во имя ближнего своего?

Катя приобнимает ее и целует в щеку.

– Ты же знаешь – я всегда готова помочь человеку, особенно единственной подруге. Но сегодня не могу. Прости меня, не могу. Прощаешь?

– Тоже мне, подружка...

Бармен, наконец, приносит водку. Женя молча берет стакан, поднимает его во благо кого-то невидимого и залпом выпивает, не закусывая.

Катя страдальчески наблюдает за всем процессом. Затем осторожно касается плеча подруги:

– Но, если хочешь, по пути я могу завести тебя домой. Серьезно. Просто ты не понимаешь. Я не могу здесь долго задерживаться. Это действительно сложный предмет, я к нему много готовилась и должна быть завтра на высоте.

Женя подпирает голову рукой, лицо ее обретает какие-то неприятные черты:

– Впрочем, как всегда и везде. Не надоело?

– Что?

И без того большие, катины глаза расширяются до преде-

ла, она с непониманием смотрит на подругу.

– Что-что? – грубовато передразнивает ее брюнетка. – Да вот это твое постоянное стремление быть, как ты говоришь, на высоте. Везде быть лучшей, тихой, доброй, заботливой. Учиться на «пять», слушать маму, не иметь никакого собственного мнения – лишь бы только всем нравиться. Не пить, не курить. Всем «спасибо», «пожалуйста». Как героиня дешевых любовных романов девятнадцатого века... А может хорош этой показухи, а? Может, ну ее? Ну всем же все понятно. Ты всем все доказала, уже же можно и расслабиться. Будь собой – такой, какая ты есть на самом деле. Выпусти своих демонов наружу! Хоть раз дай им глоток свободы. Прими эту жизнь, не пытайся угодить ей. Слабо?

Катя все еще испуганно глядит на Женю, словно силясь понять – кто перед ней и правильно ли она понимает, что именно к ней – к ее лучшей подруге, девушке, искренне любящей ее – и был обращен этот гневный и явно незаслуженный вызов. Наконец, она осознает, что да – перед ней ее Женька и слова обличали именно ее – Катю. Ее лучшая и единственная подруга Женька полагает, что Катя врет, что все это время врет и притворяется? Что вся катина любовь к Жене, к людям – искренняя настоящая – всего лишь фальшь? Но... но если так думает та, с кем она общается ближе всего, еще со школы, которая знает ее долгих десять лет, то что же тогда думают остальные? Неужели и они считают, что... что... На глазах у девочки невольно выступают

слезы, и подбородок начинает предательски дрожать.

– То есть..., – глухо говорит Катя, глядя с ужасом на Женю. – То есть... ты... ты думаешь, что я это специально? Просто чтобы выделяться на фоне остальных? Ты хочешь сказать, что я всего лишь выскочка, показушница? Я при-
творяюсь и лицемерю? Ты правда считаешь, что я фальшив-
ка? Да как же ты можешь? Ты же знаешь меня лучше осталь-
ных... ты... разве я давала когда-нибудь повод... Разве я
виновата, что желаю всем добра и люблю свою маму?

Женя вдруг резко собирается, осознав свою оплошность
и тут же устремляется к Кате, которую бьет мелкая дрожь,
пытаясь обнять ее.

– Да ладно, Кать, прости. Я же по глупости. Я тупая. И
бухая. И вообще никакая. Прости, глупенькая, я же просто
сейчас зла на всех, вот и тебе перепало. Я вовсе так не думаю,
это злость и обиды. Это все чертов Макс. Катюш, прости. Ты
и вправду у меня самая лучшая. У тебя есть салфетка?

– Есть... – всхлипывая отвечает девочка. Она просто бес-
помощно плачет от боли и обиды. И не может она долго сер-
диться, да и не сердится уже, но слезы живут своей жизнью,
будто пеленою отгораживая ее и защищая от угроз внешнего
мира.

– Прости, я не со зла. Макс – сука! И тебя зацепил.

Легким, но слышным звоночком Кате на телефон прихо-
дит сообщение в телеграмм. От некоего «Котички». «Зайка,
я в клубе! Ты где?» Катя словно подпрыгивает:

– Боже мой, Дима приехала. Он не должен меня видеть такой.

– Быстро в туалет, – командует Женя. – Приводи себя в порядок, я задержу его.

Катя стремительно бросается в туалет. Там, возле зеркала, быстро приводит в порядок глаза, нежной помадой с розоватым отливом украшает губы и пытается слегка улыбнуться. Получается не так уж искренне, но относительно убедительно. Она выходит из туалета и направляется к стойке, в коридоре ее грубо задевает плечом какая-то девица.

– Аккуратнее, овца! – резко бросает та, смерив Катю уничижительным взглядом.

– Извините, я нечаянно, – виновато отвечает девушка, чувствуя тупую пульсирующую боль в плече.

У стойки уже болтают Женя и Дима. Парень, увидев Катю, бросается к ней навстречу, вынимая из-за спины шикарный букет цветов.

– Привет, зайчонок, – радостно приветствует он, целуя ее, едва коснувшись губами.

– Ой, это мне? Спасибо, маленький.

– Я же тебе сто раз говорил – не называй меня так, особенно на людях. Что у тебя с глазами?

– Чихнула, – смущается Катя.

Дима прижимает ее к себе, несколько раз целует в шею, понемногу поднимаясь выше и выше, к робким и еще по сути детским губам.

– Катюш, я соскучился... ты себе даже не представляешь как.

Катя, отводя лицо в сторону и слабо отстраняя его:

– Ну что ты, здесь же люди, неудобно. Все смотрят.

– Да плевать на этих людей. Я соскучился!

– Я тоже соскучилась, но все-таки давай не здесь.

Глаза у Димы заблестели хитрым огоньком:

– А где, принцесса?

– Не знаю, мой сказочный принц, – смущается Катя.

Дима наклоняется совсем близко к ее уху и заговорщицким голосом продолжает:

– Зато я кажется знаю.

Катя непонимающе отстраняется.

– О чем ты?

– Сегодня у Андрюхи никого не будет дома, включая его самого. Ключи у меня на хранении. Ты понимаешь, о чем я?

Катино непонимание сменяется настороженностью:

– Боюсь, что да.

– Почему же «боюсь»? Это будет потрясающе, я буду очень нежен и заботлив. Уверяю, тебе очень понравится.

Настороженность девушки превращается в самый настоящий страх:

– Нет-нет, Дим, не сегодня.

– А когда, Кать? Когда? Мы уже два месяца вместе и до сих пор...

– Котичка, ну ты же понимаешь, как для меня это важно.

Все-таки первый раз. Я хочу, чтобы этот момент запомнился на всю жизнь. Свечи, музыка, я хочу, чтобы это было очень красиво, романтично. Как самое настоящее волшебство.

Парень вроде бы как начинает сдаваться, но в то же время не отступает совсем.

– Да-да, я тоже хочу. Но когда это будет? У Андрюхи свободно уже сегодня. Там все чисто, уютно. Ну давай же, не ломайся, зай. Буквально часик и поедешь себе домой, выспишься перед экзаменом.

Катя возмущена:

– Часик? – но потом тут же переходит на жалостливые нотки, – Дим. Пожалуйста, не заставляй меня. Я не так себе это представляла. Я хочу, чтобы это был настоящий акт любви, чтобы ничто не давило на нас, не отвлекало. Я понимаю, что я у тебя не первая, но ты для меня... поэтому пожалуйста давай сделаем красиво. Я чувствую, что уже почти готова, но не к тому, как ты предлагаешь – непонятно где, непонятно как. Наспех, у кого-то на квартире.

– Не у кого-то, а у моих друзей.

– Нет. Прости меня, пожалуйста, но я так не могу и не хочу.

Дима пытается прижать к себе Катю, осыпая ее поцелуями.

– Дим, мы еще не готовы. Наше чувство еще не расцвело настолько, чтобы познать друг друга, мы идем к этому, но еще не пришли. Я так люблю тебя, но это действительно

очень, очень важно для меня.

– Мы готовы, поверь мне. Я хочу тебя!

– Извини, прости меня, пожалуйста, но я не могу согласиться. Еще не время. К тому же, завтра утром мне равно вставать. Не обижайся, солнышко, мы обязательно это сделаем, но не сегодня. Пожалуйста. Не сегодня. Не сердись на меня.

Взгляд парня теряет всякую жизнь и сменяется больше на равнодушие, нежели на смирение. Но, в целом, он «принимает» столь неутешительный исход:

– Да ладно, что уж там. Я все понимаю. Еще этот экзамен. Че теперь? Нет, так нет.

Катя, не замечая этих перемен, искренне радуется:

– Спасибо, зайка, ты у меня такой чуткий. Так люблю тебя! Прости, я отойду ненадолго к Жене, ей Макс изменил, ей плохо.

– Вот урод! – безразлично бросает Дмитрий.

– Ну это же ты у меня такой молодчага, а он просто несерьезный. Я ненадолго.

Когда Катя возвращается к стойке, то застаёт неутешительную картину. Перед Женей выстроилась батарея пустых бокалов из-под коктейлей, а трубочка в ее губах усердно тянет очередную порцию «Секса на пляже». Судя по размазанной туши на глазах, Женя плакала. – Ого, я вроде ненадолго тебя оставила, – обращает внимание на свое присутствие Катя. Женя, не глядя на подругу, снова плачет:

– Он всю жизнь мне сломал... ненавижу его. Как же хорошо все начиналось. И как жить теперь, когда есть с кем сравнивать? Где я теперь найду ему под стать?! Кобелина, тварь, чтоб он сдох... а потом и я вслед за ним. От горя...

Катя подзывает бармена:

– Извините, можно Вас попросить больше ей не наливать?

Но в женины планы, как видно, сдаваться без боя никак не входило:

– Не надо за меня решать! – вдруг рывкает она. – Я сама способна организовать свою жизнь.

– Способна, способна, – ласково вторит ей Катя, – но не в таком состоянии.

– Я убью его, – вдруг совершенно спокойно подытоживает Женя.

– Кого? – даже не сразу понимает Катя.

– Макса.

– За что? Вас же уже почти ничего не связывает.

– Вот за это и убью, – тем же безэмоциональным голосом продолжает Женя. – Я не хочу, чтобы он еще кому-то сделал больно. Я не хочу, чтобы кто-то еще, доверившись ему, потом так же страдал как я.

– Да глупости это, Женечка. Ты послушай себя. Просто не думай о нем. Забудь его!

– Вот убью и забуду. Ну сколько за него дадут? В первый раз-то убиваю, значит примерно лет шесть. По сравнению с огромной жизнью, шесть лет – это такая фигня, о которой и

думать нечего.

Катя подсаживается к ней ближе и прижимает ее голову к своей груди.

– Родненькая моя, услышь меня. Ведь не в шести годах-то дело. А в том, что ты убьешь человека... че-ло-века! Да можно ли убивать человека? За ним же целая жизнь: детство, школа, мечты, планы на будущее. Даже если он оступился или обидел тебя, всегда нужно давать второй шанс и третий. Ты же не Господь Бог, чтобы наказывать другого. Тебе ли это решать? Ты же не простишь себя потом никогда.

– А кому, интересно, это решать? – отпрянула подруга. – Если у человека появляется опухоль – ее же удаляют, чтобы она не разрасталась дальше во все органы. А плохой человек для меня – чем не опухоль, если он уничтожает меня изнутри. Разве я виновата, что нет таких служб, которые занимались бы этим официально, вот и приходится все решать самому. Но человек-опухоль не должен жить!

– Каждый человек имеет право на жизнь, на возможность исправить свои ошибки и жить хорошо. Надо быть милосердными друг к другу, – не сдается бесконечно добрая Катя.

– Ага! Некоторые такую доброту за слабость принимают и вконец охеревают.

– Пьяненькая моя. Ты же любишь его.

Женя задумывается, но признает:

– Люблю, поэтому и иду на такие меры. Если бы он был мне пофиг, я бы его пальцем не тронула. А так из-за любви

я не хочу, чтобы он разрушил чужие и свою жизнь. Пусть уйдет чистым и добрым, каким его знали и любили. Это ли не любовь? Чтобы он не страдал.

Катя перестает держать нить разговора.

– Так ты хочешь, чтобы он не страдал или остальные?

Женя на секунду задумывается, а потом поднимает вверх указательный палец правой руки и важно замечает:

– Я хочу, чтобы никто не страдал. Я всех люблю. Поэтому убью Макса.

Катя вдруг словно вспоминает о чем-то и смотрит в телефон.

– Так, ладно, я все поняла. Боже мой, двадцать минут одиннадцатого, пора домой. Еще с Димой немного поговорить. Пойдем, я посажу тебя на такси. Трудный сегодня выдался вечер.

Женя вдруг начинает канючить:

– Я не хочу домой. А пойдем пешком? По пути поговорим еще, а?

Катя смотрит на нее добрым и понимающим взглядом матери, разговаривающей с беззлобно капризным ребенком.

– Нет, милая, у меня нет времени, чтобы еще гулять. Тем более поздно вечером. Ты знаешь что такое ночной город, сколько там может быть опасностей. Пойдем, пора. Я вызову нам такси.

Девушки расплачиваются с барменом, Катя берет в одну руку букет цветов, другой хватает под мышку податливую

Женю, и они нестройной походкой направляются к выходу. Почти перед самым выходом Катя цепляется ногой за какую-то ерунду и ее немного разворачивает... в полумраке танцевального зала свет софитов выхватывает целующуюся пару. Из-за смущения от увиденного девушка тут же собирается отвернуться, но вдруг ясно осознает, что парень ей до боли знаком... и, более того, она его любит. Дима.

Это был ее Димочка, ее маленький котичка, ее первая и единственная любовь – человек, которого она боготворила, которого видела во всех благородных героях читанных ею романов, которого ставила всем в пример и о котором думала не иначе, как с придыханием... И сейчас этот сказочный принц ее целомудренной жизни безобразно лапал за попу какую-то девицу, плотоядно исследуя своим языком ее рот. Тем самым языком, который некогда чувствовала и всем своим сердцем любила Катя... Девица была не столь сдержана при поцелуе, как некогда Катя и потому, совершенно никого не стесняясь, крепко держала Дима за мошонку, игриво массируя ее. Оба были так увлечены процессом, что не замечали никого вокруг, да и остальным не было до них никакого дела. Это клуб, это вечер, это жизнь, это обыденность!

Какое-то время Катя в откровенном ступоре заворуженно разглядывает эту самую паскудную сцену в своей недолгой, некогда счастливой жизни. Словно под гипнозом от увиденного, будто само ее сознание не допускает того, что это может быть в реальности, девочка неотрывно смотрит на люби-

мого. Катя искренне ждет и отчаянно надеется, что это навязание рассеется и окажется, что она просто спутала пару и это вовсе никакой не Дима... но, увы... облако не уходит. Суровая реальность непростительно жестока. И это был Дима.

– Дима... – даже не кричит, а больше стонет она, чувствуя какую-то неведомую ей пульсирующую боль в районе сердца, которая растекаясь в груди, выжигает все на своем пути. А он даже не услышал – нет, он почувствовал ее. В ужасе он смотрит на нее, не в силах подобрать слова... которые, в общем-то, уже и не нужны.

– Нет-нет-нет, не надо ничего себе придумывать – вдруг собирается со скудными мыслями парень и бросается к ней. Но она, искренне страшась, что сейчас этими же своими руками он коснется и ее тела, вдруг иступленно отталкивает от себя подругу, швыряет букетом в него и бросается к выходу, на улицу! Дима же безнадежно и, что таить, безуспешно все еще силится реабилитироваться:

– Детка, это не то, что ты подумала... дай мне объяснить. Заяц!

Но нет. Тщетно. Она выбегает из клуба, бежит прочь от этого ярко освещенного размалеванного входа, проносится мимо людей, толпящихся у клуба, припаркованных такси, минует остановку. Катя бежит лишь бы бежать. Инстинктивный первобытный страх гонит ее подальше от опасности – от опасности услышать его, простить и навсегда перестать

уважать себя. Из-за слез ничего толком не видно, к тому же, она начинает буквально задыхаться от сдавленной спазмом груди, но остановиться девушка решительно не может. Он не должен ее догнать. Наконец, она выбегает на какую-то полупустую, мрачно освещенную улицу и ныряет в первый попавшийся переулок. Силы окончательно оставляют ее, она останавливается, прислонившись к стене, крепко зажимает себе рот руками и медленно сползает вниз, беззвучно рыдая. Дима пронесется мимо.

В голове Кати нет ни единой мысли – только не отпускающий спазм в груди держит все тело в каком-то неподвластном ей параличе. Катя рыдает. Искренне и отчаянно. Этого просто никак не могло быть, какой-то нелепый и абсурдный пранк, какое-то общее помешательство... Да разве же может быть такое, чтобы близкий, родной, любимый человек, еще минуты назад клявшийся тебе в любви, нежно смотрящий в твои глаза, счастливо улыбающийся через какое-то мгновение вдруг с такой легкостью все это отдал другой... Это просто никак не вмещалось в рамки катиного понимания, она искала ответы и не находила, потому что ее светлый мир книжный не имел ничего общего с миром реальным. И, увы, финал сказки в жизни настоящей вовсе не обязан был быть счастливым...

Вдруг у нее звонит телефон. Мажорная приятная нежная мелодия оглашает тихий, унылый и мрачный переулок, словно именинное поздравление на похоронах. Звонит некогда

любимый «Котичка». Катя тут же сбрасывает, а потом и вообще отключает звук и возвращает телефон в сумку. Она сидит еще немного, слез больше нет – звонок ее словно отрезвил, возвращая в реальность, в который отныне начинается совершенно новая для нее жизнь – жизнь без Димы. Больно и не верится – самая каноничная стадия отрицания, но необходимо делать первые шаги к принятию. С аналитическим мышлением у Кати был полный порядок, выводы делать она умела, а остальное – даст Бог, приложится. Да и мама поможет, запишет ее к психологу.

Девушка достает салфетки, вытирает лицо, глаза. Встает, глубоко вдыхает теплый вечерний воздух и собирается уже выйти из переулка, как чья-то крепкая рука внезапно хватается ее сзади за лицо, зажимает рот, а другая рука – фиксирует девичью талию. И, прежде чем Катя успеет испугаться, некто волочет ее обратно в темноту переулка.

Глава

II

Она рефлекторно пытается вырваться, от страха адреналин придает ее движениям резкость и какую-то неведомую ранее уверенность, но тщетно – силы очевидно не равны. Катю тащат вглубь переулка, потом за угол, потом еще поворот, еще и вот она оказывается на задворках какого-то магазина.

В центре грязного, огороженного почти со всех сторон глухими размалеванными стенами, двора в баке горит ко-

стер, вдоль стен стоят мусорные баки, возле костра два парня лет двадцати – двадцати пяти с бутылками пива в руках. На земле еще ящик какого-то такого же дешевого пива.

Один лысый и в спортивном костюме – типичный гопник, другой одет скромнее, но стильно, с легкой щетиной и прической, какую могут сделать только в хорошем барбершопе. Оба с любопытством рассматривают непрошенную гостью.

Наконец, Катю отпускают, и она видит своего похитителя. Обычный ничем не примечательный парень, с копной темных волос, в штанах цвета хаки и в футболке с надписью «Ramstein».

– Я же говорил музыка играет, – довольно осклабляется похититель, разглядывая свою жертву. – Хорошо хоть пошел проверил. А там оказывается маленькая пьяненькая цыпочка заблудилась. Зашла поссать, наверное, а тут такая удача. Ха-ха-ха!!!

Парни смеются, довольные посредственной шуткой, с неослабевающим интересом разглядывая Катю. Воодушевленный успехом, парень продолжает задавать тон беседы, обращаясь уже к перепуганной Кате:

– В общем, так. Сразу предупреждаю – кричать не надо. Убегать тоже. Все равно догоню. Нам скучновато, а хотелось бы... очень хотелось бы прекрасно провести вечер. Ты же не хочешь нам его испортить? Начнешь орать – я порежу твое смазливое личико, усекла?

Девушка с побелевшим лицом кивает.

– То есть, жить ты останешься, – наставительно завершает оратор. – Но жить с тобой уже никто не захочет.

Парни снова гогочут.

Катя в ужасе внимает правилам. У нее совершенно нет никаких мыслей, только животный страх неприятным холодным потоком растекается по телу – от груди к ногам. Сердце бьется быстро, гулко, с невероятной скоростью разгоняя кровь.

– Ты поняла меня, красотулька?

Катя снова послушно кивает, продолжая во все глаза, полные отчаяния и слез, следить за движениями похитителя.

– Вот и славненько! – успокаивается парень. – Люблю понятливых девочек. А то ей, мрази, говоришь, что все оплачено и значит она, сука, будет делать абсолютно все, а она начинает корчить из себя гребанную недотрогу.

– Эй, – совершенно безэмоционально подключается к разговору гопник, отхлебывая пиво. – Тебя как зовут?

– Меня? – тихо переспрашивает сдавленным голосом Катя.

– Тебя, тебя.

– Катя.

– А сколько тебе лет?

– Двадцать будет.

– Когда?

– Двенадцатого августа.

– А, понятно. Праздновать будешь?

Катя немного успокаивается от абсурдности диалога. Слова и фразы вроде понятные, привычные, не таящие в себе никакой угрозы. Как будто бы будничны́й разговор в коридорах института с одногруппником о планах на выходные. Это немного придает ей силы, и она чуть увереннее отвечает:

– Я еще не думала об этом.

– Ну хорошо, – резюмирует парень. – А что у тебя лучше получается: минет или в жопу?

Девушка снова заметно напрягается, не до конца еще понимая суть вопроса:

– Вввв... в каком смысле?

– Ты че, прикалываешься? – беззаботно усмехается гопник. – Какие тут еще могут быть смыслы? Ты же слышала вопрос.

Катя беспомощно смотрит на парней, переводя молящий взгляд с одного на другого. Ей хочется найти хоть одно нормальное лицо, чтобы на нем остановиться и уже больше не дергаться, не бояться. Договориться и спокойно поехать домой. Пока еще не поздно.

– Ребят, я не проститутка, – глухо выдавливает Катя, потому что страх, вновь овладевший ею, вдруг сдавливает горло.

– Мы тоже тебя не заказывали. Ты сама пришла, – недоумевает хулиган. – И че теперь? Че будем делать, а?

– Я не знаю... – снова еле слышно выжимает Катя.

Тут бразды правления в разговоре уверенно возвращает

себе похититель.

– Зато я знаю, – оживляется он. – Нужно дать ей бутылку! Пускай девчонка расслабится. Осмотрится. А то налетели с бухты-барахты – минет, в жопу. Витек, ты же интеллигентный человек. Забыл как ухаживать? Привык иметь дело со шлюхами, а тут, видать, высшее общество пожаловало. Надо ж эти... прелюдии... пусть привыкнет, познакомимся поближе, поболтаем, ночка длинная... куда торопиться? Отдохнуть всегда успеем. Правильно я говорю, куколка?

Катя все еще не теряет надежды как-то образумить ситуацию, затравленный взгляд ее снова мечется с одного на другого.

– Ребят, мне домой надо. У меня завтра экзамен с утра, – слабо и безнадежно возражает она.

– Так экзамены всегда проходят по утрам, – встречает Витек. – Почему из-за этого мы должны отпустить тебя пораньше?

– Ребят, вы наркоманы? – зачем-то уточняет Катя, совершенно еще не представляя, как бы это могло ей помочь.

Внезапно к разговору подключается третий сподвижник компании, до этого безмолвно, но с явным интересом наблюдавший за происходящим со стороны.

– Нет. – приятным баритоном отвечает парень. – Наркоманам, когда хорошо, то им никого не надо, им и так все по кайфу. А раз нам все еще чего-то хочется, получается, что мы алкоголики.

– Ахаха, смешно – заходится Витек. – Ну че, где бутылка, Лех? Леха ловко хватает пиво из ящика, эффектно, с хлопком, откупоривает крышку зажигалкой и радушно протягивает бутылку Кате, которую та послушно, но весьма напряженно берет, с опаской разглядывая ее содержимое.

– Пей давай и... давай! – ловко острит Витек. – Давненько у меня не было романтического приключения.

Но у Кати – у бедной наивной девочки, никогда прежде не встречавшейся с суровыми реалиями жизни вот так лицом к лицу – все еще теплится надежда, что это странное недопонимание как-то само собой разрешится. Психика ее, поставленная перед опасностью, подсознательно ищет что-то хорошее, успокаивающее в окружающих, дыбы окончательно утихомирить неуправляемый страх, пока еще с ним можно что-то сделать. Она все еще ищет спасительную иллюзию контроля происходящего. В сущности, парни не выглядели какими-то неадекватными или пьяными в дым. Не наркоманы, не отмороженные малолетки... Может такие же студенты, как она. И поэтому ей всего лишь нужно еще раз понятно и терпеливо все объяснить, поговорить.

– Ребят, вы все же не так меня поняли, – осторожно подбирает она слова дрожащим голосом, пытаюсь приветливо улыбнуться. – Я правда не по этой части. Совсем. Я просто поссорилась со своим парнем и спряталась от него в переулке. И я не пью.

– И че? – дергается Витек. – Почему мы должны от этого

страдать?

– Погоди, озабоченный, – вдруг поддерживает Катюю всегдашней барбершопы. – Не видишь что ли – у человека горе.

Но Витька, видимо, вся эта доселе совершенно понятная ситуация и вдруг неожиданно выходящая из-под контроля, окончательно выводит из равновесия.

– Ромео, из-за того, что она поссорилась там со своим ха-халем, она теперь и нам не хочет давать? Почему мы должны из-за него обламываться? Мы ведь его даже не знаем. А ее – знаем! И она знает, что мы нормальные пацаны. Мы же нормальные? Стоим тут, разговариваем с ней, другие бы давно уже в темном уголке ее зажали и не церемонились бы. А у нас тут извольте – разговоры, пиво. Правильно, Катюха? Я надеюсь, мы же нормальные?

Катя заметно воодушевляется разумными разговорами, хаотичная ситуация плавно переходит в дебаты:

– Ну конечно, вы нормальные и я нормальная девушка – мы все здесь нормальные люди. Поэтому и должны вести себя нормально. Так ведь? Почему же вы никак не хотите меня услышать – я на полном серьезе не занимаюсь любовью и не пью алкоголь с незнакомыми людьми.

– Слышь, ты, нормальная, – начинает верещать Витек. – Ты реально начинаешь бесить меня. Какое-то раздражение внутри нарастает. А ведь все было хорошо. Еще совсем недавно все было просто отлично, пока ты не начала брыкаться.

– Да подожди, Вить, – осаживает его «Ромео».

– Да хули подожди? – не унимается Витек, – Чего ждать? Она же бабок требует. Неужели непонятно? На хер ей твое пиво, когда можно бабок срубить, изрядно поломавшись и набив себе цену.

– Я не... – пытается вставить слово Катя.

– Заткнись, – обрубают Витек, – заткнись тебе говорят. Пожалуйста помолчи. Тише будь. Говорят же тебе. Пока еще говорят.

Парень из барбершопа явно на стороне девушки:

– А что, пацаны? А вдруг она и правда нормальная? Мы же не звери какие-то, чтобы мучить беззащитную девушку.

Катя, остро почуяв надежду на спасение, инстинктивно, подвигается ближе к «Ромео». Но Витька уже не так просто успокоить:

– Да ты глянь на нее, какая нормальная в такое время будет по ночным переулкам шляться? Зашла порыгать, наверное, а тут такая неудобная ситуация. А бесплатно обслуживать не по понятиям. Я таких «нормальных» знаешь сколько повидал. Короче ты, – резко оборачивается он к Кате, – иди сюда.

Сказав это, Витек, хищно улыбаясь, начинает расстегивать штаны. И снова, в какой раз за этот вечер, Катю неприятно полоснуло по сердцу страхом – леденящим страхом неминуемо надвигающейся опасности. Слезы сами выступили на глазах:

– Мальчики, пожалуйста, не надо, мальчики... – запричитала она – Роман, помогите мне пожалуйста, я прошу Вас.

Тот, совершенно не разделяя никакой угрозы, добродушно усмехается:

– Да не бойся ты, дуреха. Убери свою балду, придурок. Ты в приличном обществе, – он делает большой глоток пива и несколько поучительно, словно профессор у доски, продолжает, – Вот видишь... Катя... как интересно сложились сегодня обстоятельства. Еще сегодня днем ни мы, ни ты не подозревали о существовании друг друга. Каждый жил своей жизнью, может даже мы и не раз пересекались с тобой в городе или в очереди в магазине и при этом ни разу не обратили друг на друга внимания, не заговорили. И может так бы оно и продолжалось дальше, может и не встретились бы вовсе... если бы в этот вечер звезды не сложились определенным образом. Видимо, пришло время, наконец, познакомиться, обрести друг друга. Ты же не случайно забежала именно сегодня, именно сейчас и именно в этот переулок? Сколько их на этой улице, а ты – нет, сюда, к нам. Может это судьба?

– Вы мне поможете? – молит сквозь слезы Катя.

– Конечно, – легко соглашается Роман закуривая. – Ты знаешь, я вот верю, что все, что ни происходит с нами – происходит к лучшему.

– Даже когда совсем плохо и больно?

– Особенно, когда совсем плохо и больно. В идеале, конечно, когда хуже некуда. Может просто по-другому тебя

невозможно растормошить так, как надо. А тормошить надо.

– Кому надо? – снова начинает чуть успокаиваться Катя, воодушевленная разумным и спокойным разговором.

– Тебе, конечно. Ведь в жизни все делается для твоего блага. Любые перемены к лучшему! Принимай и действуй! Откуда мы знаем – какие будут последствия у нашего так называемого несчастья? Не обернется ли оно потом самым настоящим счастьем для нас? Мы же не можем смотреть на ситуацию объективно, потому что по природе своей субъективны.

– Ни хера себе, – восхищенно кивает Леха, до этого безразлично занимавшийся костром и перепиской с кем-то в телеграмме.

Роман кидает на него весьма самодовольной взгляд:

– Высшее образование, епта! Поэтому, моя дорогая, – тут же возвращается он к Кате, – из любой, даже самой трудной ситуации нужно извлекать для себя полезный урок. Чем сложнее условия, тем важнее урок! Только так. Запомни это. Наблюдай и анализируй! А иначе заporешь свою жизнь самым бесславным образом. А может быть даже в мучениях. Понятно тебе?

– Я все поняла, – охотно соглашается Катя, вытирая подсыхающие слезы. – Можно я пойду?

Но Роман не закончил.

– Запомни, любой удар по тебе только закаляет тебя, потому что каждому человеку дается исключительно по его возможностям. Не более того! Любую самую ужасную засаду,

в которую ты попадаешь, ты способна преодолеть самостоятельно. Неважно каким образом, но в итоге ты должна оказаться победителем! Это испытание.

– Но некоторые же не выдерживают? – невольно вовлекается Катя в разговор.

– Конечно, не выдерживают, – Роман даже усмехнулся, оглядев своих товарищей в поиске поддержки. – Ломаются на раз-два! Но не выдерживают только потому, что сами сдаются. Отказываются брать жизнь! Та говорит им «На, я знаю, что предлагаю тебе, возьми», а они отказываются – боятся! «Ах, не принимаешь моих даров – возмущена жизнь – на тогда, получай!». Никто не любит слабаков. Даже смерть забирает их с презрением.

Восхищенный Леха, уже полностью вовлеченный в разговор, ласково подталкивает девушку:

– Кись, ты на пиво налегай. Не стесняйся, все оплачено.

– Спасибо, но я совсем не пью.

– Ты точно поняла меня, Дашенька? – завершает, наконец, свою проповедь Роман.

– Катя.

– Катенька, – ничуть не смутившись парирует парень.

– Да, спасибо Вам больше.

– Вот и славненько, тогда моя совесть чиста.

И тут же, с доселе симпатичным, во всех отношениях харизматичным парнем – лучшим из всей тройки и единственной надеждой на спасение – происходит радикальная пере-

мена. Взгляд вдруг стал каким-то плотоядным, рот стянула презрительная ухмылка и в голосе проявились ледяные стальные нотки:

– Значит так, я первый! А то после вас, дураков, неохота туда ничего окунать. Ты же чистая?

Катя, словно громом пораженная этой внезапной переменной и вдруг окончательно лишившаяся последнего шанса избежать насилия, оказывается в каком-то неведомом ей ступоре. Психика не сдюживает и ничего хорошего вокруг уже не видит, страх в полной мере входит в свои права – разделяет и властвует. В ее недолгой жизни никогда, за всю историю, не было столь разительных, столь ужасающих перемен, поэтому все кажется ей нереальным... какой-то кошмарный театр абсурда. Страшный сон, который никак не хочет прервать проклятый будильник!

– В каком смысле чистая? – совершенно затравленно произносит она.

– В том самом, дура! Венерических заболеваний не было?

– Я девственница... – глухо выдавливает из себя безнадежно раздавленная Катя.

– Была! – хохочет Витек, весело оглядев друзей.

– А че так тихо? – снисходительно интересуется Роман. – Этого не надо стесняться, девочка. Это очень и очень хорошо. Как же тебе повезло, тебе просто невероятно повезло, что именно я буду у тебя первым. Считай, подарок на день рождения. Тебе сразу выпал флешь-рояль! Дядя Рома все

сделает так, что долго еще слава моя будет отдаваться у тебя между ног приятным томлением. С кем бы ты ни была. Будешь сравнивать и тосковать по мне. Отойдем, не хотелось бы тут на свету.

С этими словами он хватается ее за руку и тащит в темноту двора. У Кати перед глазами плывут какие-то круги, сердце, еще крепче сдавленное спазмом страха, почти напрочь перестает биться. Снова слезы, ужас, отчаяние. Хочется в туалет, по-большому. В голове рождаются лишь какие-то нелепые слова, она буквально верещит:

– Нет-нет, мне нельзя, мне надо домой, мальчики миленькие, отпустите меня, я никому не скажу. Пожалуйста.

Но Роман, оказавшийся почти вплотную к ней, приобнимает ее за талию и заглядывает в черные – от донельзя расширенных зрачков – глаза:

– Да не бойся ты, говорят же – понравится. Взрослые фильмы смотрела? Видела, как женщины от счастья стонут? Ты будешь так же стонать. А она упирается. Глупышка!

– Маленькая еще, – предполагает Леха.

– Тупая, – бесцеремонно резюмирует Витек. И тут же оживляется – Я следующий!

И от этих слов, прикосновений, от совершенно ясного осознания грядущей перспективы быть изнасилованной, да еще и в групповухе Катя буквально захлебывается в громкой истерике:

– Нет-нет, пожалуйста отпустите меня, я не хочу, отпусти-

те.

– Не ори, сука! – шипит перепуганный Леха. – Я же предупреждал тебя.

Катя покорно сбавляет громкость, но не отчаяние:

– Отпустите, я хочу домой... пожалуйста! Я заплачу вам!

Роман, вдруг сменяет похоть на азарт и перестает тащить девушку:

– Оп-па, а вот это уже интересно. И во сколько же ты оцениваешь наш вынужденный целибат?

– Бля, да она тянет время, – ворчит Витек.

– Леха, – обращается Роман, взглядом указывая на сумку – посмотри, че у нее там?

– Я сама, сама... – чуть успокаивается Катя.

Но Леха грубо вырывает сумку:

– Сюда дай!

С легкостью получив добычу, он присаживается и просто высыпает все содержимое на землю. Парни с интересом обступают. Леха берет телефон, оказавшийся сверху, крутит его и передает Витьку. Выбирает из кучи кошелек, заглядывает внутрь – там немного налички и несколько кредитных карт – передает трофеем Роману. Копается еще.

– Все остальное барахло какое-то, – недовольно подытоживает он, – прокладки, платочки, открытки какие-то, сердечки. Что за хрень?

Парень ловко собирает весь нехитрый скарб обратно в сумку и безразлично кидает ее в костер, со всем содержи-

мым. Огонь занимается новыми яркими красками. У Кати уже нет сил из-за этого переживать... В любой другой день для нее утрата сумочки, ее сокровищницы, мамин подарок на шестнадцатилетние, было бы невосполнимой потерей, подлинной трагедией жизни, но не сегодня, не сейчас... у нее вновь теплится надежда.

У Витька в руке внезапно озаряется светом катин телефон. Парень недовольно вглядывается в смазливое фото Дмитрия:

– Козел какой-то звонит на вибро. Написано «Котичка». Что, блять? Ха, котичка.

– Это мой парень, – робко говорит Катя.

Витек продолжает рассматривать фото.

– Мдааа, – заключает он. – Не красавец, конечно. О, о, а давай я ему отвечу и скажу типа «Эй, чувак, твоя цыпа тебе не дала, а нам вот легко. А знаешь почему? Потому что ты лох!» Ха-ха-ха! Смешно же будет?

Но поддержки на свою, как он считал удачную, шутку Витек не получает.

– Выключи телефон и выкинь симку, – приказывает Роман.

– А можно я ему хоть смску напишу? – не унимается Витек.

– Потом на нарах будешь смски писать, в соседние хаты.

– Да понял, понял, не шуми.

И пока Витек возится с телефоном, а Леха ворошит пал-

кой горящую сумку в костре, Роман с нескрываемым интересом углубляется в содержимое кошелька.

– Нормульно, с таким выкупом можно бы и отпустить...

– наконец, изрекает он.

Жгучая волна радости простреливает Катю с ног до головы. Наверно, никогда еще за всю свою недолгую жизнь не была она так счастлива, как сейчас, когда уничтожены были ее сумка, телефон, деньги, но сама она осталась в целостности и неприкосновенности... сберегла честь, здоровье и – самое главное – свой хрупкий, ранимый, но весьма разносторонний и трогательный внутренний мир. Даже золотая медаль на школьном выпускном не дала и толики той радости, что переживала девушка сейчас.

– Спасибо, мальчики, большое спасибо, – оживленно щебечет Катя, с благодарностью, каким-то нелепым восторгом и нежностью поглядывая на хмурых гопников, – я никому не скажу. Никогда и никому. Я обещаю. Я клянусь вам! Спасибо!

– Можно бы отпустить... – равнодушно продолжает незаконченную мысль Роман, – но. У нас было такое чудесное романтическое знакомство. Разве ж можно омрачить его какими-то деньгами... Мы же не проститутки какие-то, чтобы продаваться, Катенька. Да еще и так задешево. Ты как-то плохо о нас думаешь. А мы люди благородные, имеющие честь и достоинство! И от принципов своих по одному лишь бабскому слову не отступаем.

Парень тут же резким и властным движением цепляет ее за руку.

– Лех, стань пока на атас! И так уже заболтались. В угол, сучка. И попробуй только пискни.

Витек прыскает от смеха, Леха устремляется на атас, на выход к улице, а Катя из последних сил удерживает сознание...

Глава III

Она беззвучно плачет. Роман уверенно и бескомпромиссно тащит ее в угол, все это сопротивление забавляет его. Катя немного упирается, но не представляет для насильника реального препятствия, в руках у нее по-прежнему бутылка пива, щедро врученная ей еще в начале всех этих разговоров. Она смотрит на эту бутылку, на Романа, на бутылку... в голове роится поток мыслей, которые она пытается отогнать, но грядущая участь страшит ее еще сильнее. Наконец, она испуганно, но не сильно бьет парня бутылкой по голове. Он тут же останавливается, разворачивается к ней, смотрит на нее вопросительно, а потом искренне смеется:

– Хахаха, ну кто ж так бьет, дуреха? Витек, ты видел?

– Дерзкая, да? – подмигивает ему друг.

Но Роман снова находит повод для красноречия.

– Ты понимаешь, что от этого удара зависела твоя честь, может быть здоровье – короче много чего важного для те-

бя? – спрашивает он, внимательно глядя на Катю. – И поскольку это действительно очень важно для тебя, то жалеть никого нельзя. Категорически нельзя! Никогда, понимаешь? Потому что, если не ты, то тогда наверняка тебя. Бить надо с такой силой, чтобы обрубить все концы. Окончательно и бесповоротно. Не думать ни о последствиях, ни о страхах – ни о чем! Раз уж решила бить, то бей в полную силу. Задача – ликвидировать. Иначе все! Такая возможность дается один раз. Один только раз. Прозевала? Все. Пока-пока.

Катя еще раз замахивается, но Роман спокойно перехватывает ее руку.

– Я же говорю – второго шанса не будет.

– Я не хотела делать тебе больно, – говорит сквозь слезы Катя.

Романа передергивает от возмущения.

– Ну почему? Я же хочу сделать тебе больно! Зачем тогда ты должна жалеть меня? Зачем жалеть человека, который хочет причинить тебе зло? За что его жалеть, дура?

– Может ей врезать? – подключается Витек.

– Да ну, некрасивая будет, – спокойно роняет Роман. – Все, пойдем, сколько можно.

Он снова начинает тащить Катю, девушка, уже прочувствовавшая слабый вкус сопротивления, начинает упираться сильнее и тогда он обхватывает ее сзади, чтобы упростить перемещение, поднажимает в сторону угла. И тут Катя, близкая к истерике, окончательно утратившая мысли и эмоции,

исключительно на инстинктивной волне, вдруг резко и сильно бьет его макушкой по лицу. Роман тут же рефлекторно ее выпускает. Разбита губа, из носа обильно течет кровь.

– Дааааа, молодец! – торжествует пострадавший. – Еще! Продолжай! Можешь ведь, ванильная кукла!

Катя тут же разворачивается, пытается оттолкнуть его в сторону, но он уворачивается и отходит на некоторое расстояние, перегораживая выход со двора.

– Не, не то! Больше драйва! Ну! Борись, девка!

Тогда Катя, буквально захлебываясь адреналином, бежит на него, выставив руки – как бы толкнуть еще раз, он восторженно и игриво распахивает объятия, но она в последний момент резко останавливается и бьет его ногой в пах. Роман падает на колени, зажимая место удара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.